
С.П. РОМАНОВА

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ ФЕНОМЕНОВ
БЕДНОСТИ И СОЦИАЛЬНОГО ИСКЛЮЧЕНИЯ
В СОВРЕМЕННОЙ ЗАПАДНОЙ СОЦИОЛОГИИ**

Термины «бедность» и «социальное исключение» активно используются в западной социологии для описания нежелательного, проблемного состояния современного стратифицированного общества. В данной статье изучаются вопросы определения и измерения бедности и социального исключения, а также рассматриваются некоторые западные теоретические подходы к осмыслению их сущности, разработке способов их диагностики, перспективам их сокращения и возможностям полного устранения.

В XIX в. западные исследователи неоднократно пытались дать определение бедности и установить стандарт для ее измерения. Единогласного мнения о том, что же такое бедность, ученым достигнуть не удалось и по сей день, но уже на этапе первых дискуссий выделились три области противоречий относительно принципов исследования этого непростого феномена, который в различных вариациях сопровождает человечество на протяжении всей его истории.

Во-первых, разногласия касаются того, может ли бедность быть верно охарактеризована исходя только из материального положения или определение должно быть шире. Одни исследователи уверены, что сущность бедности заключается в нехватке материальных ресурсов, другие считают, что бедность — это форма множественных лишений.

Вторая область активных дискуссий касается взаимосвязи неравенства и бедности. На первый взгляд представляется, что любое общество, в котором существует хоть какое-то неравенство, должно характеризоваться наличием людей, которые имеют доход ниже, чем у других членов общества. Свидетельствует ли такое их положение о том, что они относятся к бедным? Или возможно существование общества с системой неравенства, но в котором бедных нет?

Еще одно основание для споров между исследователями — это необходимость точного определения того, как должна измеряться бедность — в абсолютных или относительных показателях. Некоторые ученые доказывают, что существует абсолютный минимальный стандарт бедности, который применим ко всем обществам. В таком случае индивидов, находящихся ниже этого стандарта, можно назвать бедными. Измерения абсолютной бедности обычно основаны на идее калькуляции стоимости базисных потребностей жизни, необходимых для выживания — люди находятся в бедности, если они не имеют ресурсов для того, чтобы поддерживать свое здоровье и физическую продуктивность. В науке и на практике предпринималось много попыток определить и операционализировать понятие абсолютной бедности. Современный эталон такого определения был предложен в 1995 г. на Копенгагенском Мировом саммите по развитию: «Абсолютная бедность — это условие, характеризующееся серьезными лишениями в сфере базисных человеческих потребностей, включающих пищу, безопасную питьевую воду, санитарные условия, здоровье, образование и информацию. Она зависит не только от дохода, но также и от доступа к услугам»

[1]. Одним из наиболее общих подходов к измерению абсолютной бедности сегодня является использование методов стандартизации бюджета. Среди западных исследователей, которые занимались разработкой этих методов широко известны Сибом Раунтри, Джонатан Брэдшоу, Дебора Митчел, Джейн Морган и др. Например, Эмертая Сен предположил, что независимо от того общества, которое мы анализируем на предмет наличия и распространенности в нем абсолютной бедности, существует «минимальное ядро абсолютных лишений... которое переводит отчеты о голодании, недоедании и видимых лишениях в диагностику бедности...» [2].

В свете проблем, связанных с установлением абсолютных стандартов бедности с позиций выживания, многие исследователи отказались от них. Вместо этого появились активные сторонники относительного стандарта бедности, которые убеждены, что определение должно выводиться из характеристик того или иного общества в конкретный момент времени. Большинство социологов, которые принимают относительное определение бедности, в своих исследованиях также испытывали серьезные трудности с установлением минимального стандарта, так называемой черты бедности. В западной социологии феномен бедности как совокупность относительных лишений изучали Питер Таунсенд, Джоанна Мэк, Стюарт Ленслей, Дэвид Гордон, Роберт Уолкер и др. Так, в своей работе «Бедность в Соединенном Королевстве» Таунсенд определил бедность следующим образом: «Индивиды, семьи и группы населения... находятся в бедности, когда им не хватает ресурсов для получения тех типов питания, для участия в тех видах деятельности и для обладания теми условиями жизни и удовольствиями, которые являются привычными или, по крайней мере, широко поддерживаемыми или одобряемыми в обществах, к которым они принадлежат. Их ресурсы настолько существенно ниже тех, которые диктуются средним индивидом или семьей, что они фактически исключены из обычных моделей жизни, обычаев и видов деятельности» [3].

Многие социологи в последние годы попытались расширить анализ проблем наиболее лишенных групп общества, предпочитая при этом использовать термин «социальное исключение» (*social exclusion*) для обозначения ситуации, в которой множественные лишения мешают индивидам участвовать в значимых областях деятельности общества. Среди исследователей, которые заложили основы западного понимания данного термина, следует назвать Таню Бэчардт, Джулиан Ле Гранд, Дэвида Пайчод, Дэвида Бирна и др. Довольно сжатое, но очень точное определение социального исключения дали британские исследователи в коллективной монографии «Социальное исключение в европейских крупных городах»: «...многомерный процесс, в котором сочетаются различные формы исключения: участие в принятии решений и политических процессах, доступ к занятости и материальным ресурсам и интеграция в общекультурные процессы» [4].

Как видно, социальное исключение — это изначально более широкое понятие, чем бедность, поскольку охватывает разнообразный и довольно изменчивый спектр ограничений, с которыми сталкиваются социальные субъекты на протяжении своей жизни в обществе. Например, Олжок в своей работе «Понимание бедности» [5] утверждает, что феномен социального исключения охватывает сложный комплекс реакций на бедность со стороны самых различных социальных агентов. Брайан Нолан и Кристофер Велан в работе «Ресурсы, депривация и бедность» [6] подчеркивают, что понятие «социальное исключение» обозначает появление в обществе разрыва между тем, кто является активным членом общества, и тем, кто вынужденно оказывается за рамками общепринятого, в условиях постоянных рисков социальной дезинтеграции. Такой переход от узкого анализа бедности к расширенному анализу социального контекста различных форм несправедливостей Нолан и Велан рассматривают как прогрессивный. В этом же ключе воспринимает понятие социаль-

ного исключения и Рут Листер, автор работы «Бедность» [8], считая его более многомерным и выделяя ряд его преимуществ:

- способствует более широкому и динамичному анализу, который касается взаимосвязи широкого спектра факторов, связанных с лишениями;
- включает представление о взаимосвязи исключенных субъектов и всех остальных, сосредотачивая внимание на том, как привилегированные элементы структуры общества сохраняют свои позиции;
- привлекает внимание к существованию социальной несправедливости;
- указывает на возможности проявления в обществе на уровне субъектов феномена «самоотказа» от широкого ряда социальных прав, которые не охвачены понятием «бедность»;
- вводит в анализ проблемы дискриминации по признакам гендера, этнической принадлежности, брачного статуса и многим другим.

Тем не менее именно из-за широкого смыслового содержания и многомерности понятие «социальное исключение» точно определить и достоверно измерить трудно. Как в случае с относительной бедностью, существуют серьезные проблемы с использованием данного понятия в ходе эмпирических исследований. Между тем можно выделить семь основных измерений социального исключения, которые обычно используются социологами в качестве основы для операционализации данного понятия:

- нехватка ресурсов для обеспечения удовлетворительной жизни;
- нехватка возможностей для работы;
- нехватка возможностей для обучения и профессиональной подготовки;
- испытание трудностей/страданий от неравенства по здоровью;
- наличие неудовлетворительного жилья или его полное отсутствие;
- деструктивные процессы в семейной жизни;
- проживание в областях/районах повышенной опасности.

Итак, мы рассмотрели подходы к определению и измерению двух ключевых для дальнейшего анализа феноменов — бедности и социального исключения. Как уже было сказано, чаще всего они обозначаются как негативные, требующие усиленной работы по их преодолению. Однако стоит заметить, что те научные теории, которые сформировались в западной социологии и так или иначе затрагивают вопросы, связанные с бедностью и социальным исключением, отнюдь не так единодушны в своих исходных позициях и предлагают довольно различающиеся, а зачастую и прямо противоположные подходы к анализу данных феноменов.

Самые первые теории бедности и социального исключения были, возможно, и самыми простыми для понимания. Чаще всего они возлагали вину за бедность на самих бедных, а поэтому ни общество, ни социальные группы, к которым принадлежали индивиды, не несли ответственности за обеспечение бедных. Такие индивидуалистские теории бедности были особенно популярны в XIX в. Представителем данного подхода является один из основоположников социологии британский ученый Герберт Спенсер. В своей работе «Структура, функция и эволюция» он очень резко высказывался против любой помощи бедным, считая ее противоестественной. Будучи абсолютно убежденным в том, что именно распространение в обществе системы социального обеспечения будет способствовать росту лени среди населения, моральному упадку и деградации общества, Спенсер отстаивал высшую целесообразность эволюционного закона «выживания наиболее приспособленного». В основе данного закона лежит принцип, при котором самые способные и усердные в труде допускаются к получению достойных вознаграждений за свои усилия, а слабые, неспособные и ленивые обрекаются на бедность.

В современной социологии лишь отдельные социологи принимают индивидуалистские объяснения бедности, используя логику рассуждений Спенсера и последовательно развивая идеи социал-дарвинизма. Сегодня

наибольшее распространение получил другой подход — концепция культуры зависимости, — представители которого, как и Спенсер, обосновывают нецелесообразность активной поддержки бедных и социально исключенных. Британский социолог Дэвид Марслэнд, опираясь на абсолютные определения бедности, в работе «Социальное обеспечение или социально ориентированное государство? Противоречия и дилеммы в социальной политике» [8] доказывает, что неравенство является необходимой чертой общества, поскольку отражает нормальное функционирование системы вознаграждений в социуме, поддерживающей полезных членов и стимулирующей усердно трудиться всех остальных. Именно поэтому Марслэнд был особенно критично настроен по отношению к любым системам универсального социального обеспечения, считая, что такие выплаты, с одной стороны, уводят дефицитные ресурсы из сферы инвестиций в экономику, а с другой — создают культуру зависимости, фактически заставляя членов общества отказываться от уверенности в своих силах и от социальной ответственности. Такое резкое заявление британского исследователя отнюдь не означает, что он не принимает систему социальной защиты вообще. Марслэнд уверен, что помощь должна оказываться только тем, кто действительно не может справиться сам, остальные не должны даже допускать в мыслях того, что можно рассчитывать не на себя, а на помощь «безликой централизованной бюрократии государства».

В ходе исследований ряда западных ученых было отмечено, что стиль жизни бедных и социально исключенных из разных социальных систем (например, обществ) обладает схожими свойствами и при этом он по ряду аспектов отличается от стиля жизни большинства членов того общества, к которому принадлежат бедные. Подобные наблюдения привели к формированию в 1950-е гг. в западной социологии концепции культуры (или, более точно, субкультуры) бедности. Автор понятия, которое лежит в основе названия концепции, американский антрополог Оскар Льюис доказывал, что культура бедности — это модель жизни, обладающая следующими элементами:

на индивидуальном уровне — проявляется сильное чувство маргинальности, беспомощности, зависимости и неполноценности, мощная ориентация на настоящее время с относительно низкой способностью откладывать удовольствия, чувство покорности и фатализм;

на уровне семьи — характеризуется распространенностью свободных союзов, сравнительно высокой долей распада семей, вызванного чаще всего уходом из семьи мужчин, тенденцией к матрицентристским и матрилокальным семьям;

на уровне общности — выражена нехватка активного участия и интеграции в основные институты общества [9].

Культуру бедности Льюис считает прежде всего ответной реакцией бедных на свое маргинальное положение в классово стратифицированном и высоко индивидуалистическом обществе. Но это уже не просто реакция человека на ситуацию, это действительно культура, поскольку ее характеристики выступают в роли руководящего принципа для действий, который усваивается бедными и передается из поколения в поколение в процессе социализации, влияя на детей посредством специфической системы ценностей. Таким образом, Льюис показал, что бедность, изначально вызванная такими обстоятельствами, как безработица, низкий доход и т.д., встраиваясь в систему культуры, «начинает жить своей жизнью». И если первопричины бедности когда-то будут устранены, совершенно не исключено, что культура бедности продолжит существовать как самодостаточная и изолированная от норм и ценностей базовой культуры общества подсистема.

Оценивая аналитические возможности концепции культуры бедности, одни исследователи убеждены, что она лучше всего подходит к объяснению ситуации в неразвитых странах, находящихся на начальных стадиях капи-

тализма, другие убеждены, что она может быть применена к анализу любого современного общества. Например, Майкл Хэррингтон в работе «Другая Америка: бедность в Соединенных Штатах» [10] отмечал у американских представителей низшего по материальному положению слоя наличие особого языка, психологии, мировоззрения бедных. Другими словами, если ребенок с самого рождения находится в окружении, постоянно испытывающем нужду в средствах к существованию, значит, он растет в культуре, которая принципиально отличается от доминирующей в обществе.

Доводы концепции культуры бедности активно оспаривались сторонниками теории ситуационных ограничений. Вместо того чтобы рассматривать поведение бедных и социально исключенных в качестве реакции на установленные и усвоенные культурные образцы, авторы этой теории считают его реакцией на ситуационные ограничения, в роли которых могут выступать низкий доход, отсутствие работы и т.д. В своей работе «Район Тэлли» [11] Элиот Либоу сформулировал суть данной теории — поскольку бедные находятся в том же обществе, что и все остальные люди, то они, конечно же, хорошо знакомы со всеми основными элементами социальной системы (традициями, обычаями, нормами, законами, символами и т.д.). В случае устранения ограничений бедности бедные, в целом разделяя базовые ценности общества, способны довольно быстро перестроить модели своего поведения и начать пользоваться открывшимися перед ними возможностями. Шведский антрополог Ульф Ханнерц также убежден, что ситуационные ограничения являются более мощными силами, направляющими поведение бедных, чем культурные модели [12]. Поскольку поведение бедных все же содержит культурный компонент, то он может мешать изменениям, даже если ситуационные ограничения будут устранены. Может проявиться культурное отставание, стать заметными остаточные элементы от предыдущей ситуации, но, как считает Ханнерц, все это будет только временным явлением при благоприятных условиях устранения ситуационных ограничений.

С точки зрения конфликтного направления, в рамках которого также активно изучались феномены бедности и социального ограничения, неравное распределение ресурсов и несправедливое предоставление возможностей являются ошибочными для общества. Однако, понимая, что людям в социуме никак не удастся устранить ни бедность, ни социальное исключение, сторонники теории конфликта выделили ряд причин того, почему так происходит:

- непродуманная политика социально ориентированных государств;
- нехватка власти у бедных и социально исключенных, а также слабая ориентация на отстаивание своих прав или хотя бы на вступление в переговоры с властными структурами;
- невыгодное положение бедных и социально исключенных на рынке труда вследствие изначально низкой оплаты их труда, отсутствия достаточной квалификации, опыта работы, трудовой мотивации и т.д.;
- существование непреодолимых структурных сил общества, например системы стратификации;
- изначальная порочность всей сути капитализма.

Хорошо известен и марксистский подход к объяснению феноменов бедности и исключения, который связывает их с организацией общества в целом. Для многих марксистов неизменное сохранение бедности во всех современных обществах может быть объяснено исходя из того, что она является обязательным компонентом капиталистической системы, приносящим выгоду правящей элите, служащим интересам тех, кто владеет средствами производства. Ключевым понятием, используемым современным западным марксистом Питером Таунсендом в рамках данного подхода, является понятие «класс». В работе «Бедность в Великобритании» [3] британский социолог рассматривает класс как основной фактор, определяющий возмож-

ности производства благ и услуг, а также неравное распределение и перераспределение ресурсов в обществе. При этом бедность кроме материальных факторов также обусловлена культурными моделями общества, образом жизни, представлениями о престиже, которые управляют ожиданиями, приписываемыми статусному или нестатусному положению человека в обществе. Исследователь-марксист Ральф Милибанд [13] считает нецелесообразным при анализе выделять бедных из состава рабочего класса, поскольку бедные являются его неотъемлемой частью -- его самой низкостатусной и ущемленной частью. Бедность при этом считается классовым элементом, тесно связанным с общей ситуацией классового неравенства.

В русле этих же рассуждений в рамках марксистского подхода активно разрабатывается теория новой резервной армии труда. Дэвид Бирн в работе «Социальное исключение» [14] доказывает, что современный капитализм требует значительного количества не постоянных безработных, а тех, которые непрестанно переходили бы с одной низкооплачиваемой работы на другую по мере изменения трудовых запросов нанимателей в быстроизменяющейся экономике. Сегодня рынку труда нужны не просто безработные, а низкооплачиваемые, гибкие и мобильные работники, которые, одной стороны, не имели бы длительного прерывания трудовой деятельности дабы не терялась квалификация, сноровка, не проходил «трудоустройственный тонус», а с другой стороны, были бы легко манипулируемыми посредством постоянного нахождения под угрозой социального исключения в силу их довольно легкой заменяемости.

Несмотря на то, что марксистский подход к изучению бедности был предложен много лет назад и по-прежнему довольно активно используется западными исследователями в качестве теоретической основы для анализа социальных явлений и процессов, он обладает рядом недостатков: не особенно восприимчив к различиям в доходах внутри рабочего класса, ему не удается четко дифференцировать бедных и социально исключенных от других членов рабочего класса или дать объяснение их бедности. Концентрируясь на более широком структурном происхождении бедности и социального исключения, исследователи игнорируют отдельные причины того, почему некоторые индивиды и группы с большей вероятностью могут стать бедными или социально исключенными, чем другие.

Нет ничего удивительного в том, что одна из новейших теорий общественно-экономического развития — теория глобализации — также заострила свое внимание на объяснении состояния феноменов бедности и социального исключения в современном мире. Когда Энцо Минджионе в работе «Городская бедность и андеркласс» [15] писал о бедности в развитых индустриальных и постиндустриальных странах, он доказывал, что увеличение с них числа бедных связано с изменениями в системе мировой экономики. Минджионе считает, что произошел переход от фордистского к постфордистскому производству, а глобализация привела к снижению значимости национальных границ, в результате чего компании начали выводить инвестиции из вполне успешных стран в поисках дешевой рабочей силы и условий более свободной торговли. В результате — сокращение производства, повышение уровня безработицы, депривация членов общества в одних странах и целенаправленное поддержание низкого уровня оплаты труда в других.

Все проанализированные нами подходы по-своему правы и имеют свои слабые места. Однако явно бросается в глаза несовершенство, односторонность каждого из них, взятого в отдельности. Барчард и его коллеги в работе «Понимание социального исключения» [16] предложили систему взглядов для понимания бедности и социального исключения, которая учитывала бы различные уровни объяснения — от индивидуального до структурного. Они выдвинули «интегрированную систему взглядов для понимания социального исключения», которая охватывает экономические, поведенческие, политические, культурные, социальные элементы для того, чтобы было возможно дать полное объяснение бедности и социального исключения. Все — индивид,

семья, общность, локальные, национальные и глобальные факторы — имеют значение для определения шансов индивида стать бедным или испытать социальное исключение. Кроме того, Барчард и его коллеги уверены, что интегративный подход должен охватывать и прошлые, и настоящие факторы, влияющие на возможности, доступные людям, и результаты, вытекающие из взаимодействия различных факторов. В дополнение к этому источники влияния разделены исследователями на внешние, являющиеся ограничениями, с (которыми сталкиваются индивиды или общность) и внутренние (которые включают выборы, осуществляемые самими индивидами или общностями). Британские социологи принимают то, что культурные факторы могут играть роль во влиянии на выбор людьми определенной карьерной или образовательной траектории развития. Тем не менее эти выборы делаются не в вакууме, а в условиях их индивидуальных и семейных обстоятельств, общности, в которой они живут, и в национальных и глобальных условиях. Для тех, кто беден в начале пути, у кого низкие уровни человеческого, физического и финансового капиталов, кто имеет сложные личные и семейные обстоятельства, ограничения могут повлиять на избежание бедности или социального исключения.

Итак, мы рассмотрели ряд подходов к анализу феноменов бедности и социального исключения, разработанных в современной западной социологии. Всего несколько веков назад человечество вступило на путь развития, при котором ученые, практики и общественность воспринимают и бедность, и социальное исключение как изначально проблематичные, политически и идеологически окрашенные явления, которые необходимо, с одной стороны, активно изучать, выявляя присущие им характеристики, а с другой стороны, пытаться научиться их контролировать и управлять, минимизируя в обществе их негативные последствия. Пока, однако, большинство сценариев «укрощения бедности» и «включения исключенных» существует в завершенном виде только на бумаге и в умах тех, кто не теряет надежды сделать человеческое общество лучше.

Литература

1. United Nations. The Copenhagen Declaration and Programme of Action: World Summit for Social Development. — N. Y.: United Nations, 1995.
2. Sen, A.K. Poor Relatively Speaking / A.K. Sen // Oxford Economic Papers. — 1985.
3. Townsend, P. Poverty in the United Kingdom / P. Townsend. — Harmondsworth: Penguin, 1979.
4. Madanipour, A. Social Exclusion in European Cities / A. Madanipour, G. Cars, J. Allen. — London: Jessica Kingsley, 1998.
5. Alcock, P. Understanding Poverty / P. Alcock. — 2nd edn. — Basingstoke: Macmillan, 1997.
6. Nolan, B. Resources, Deprivation and Poverty / B. Nolan, C.T. Whelan. — Oxford: Clarendon Press, 1996.
7. Lister, R. Poverty / R. Lister. — Cambridge: Polity, 2004.
8. Marsland, D. Welfare or Welfare State? Contradictions and Dilemmas in Social Policy / D. Marsland. — London: Macmillan, 1996.
9. Lewis, O. The Children of Sanchez / O. Lewis. — N. Y.: Random House, 1961.
10. Harrington, M. The Other America: Poverty in the United States / M. Harrington. — Harmondsworth: Penguin, 1963.
11. Liebow, E. Tally's Corner / E. Liebow. — Boston: Little Brown, 1967.
12. Hannerz, U. Soulside: Inquiries into Ghetto Culture and Community / U. Hannerz. — N. Y.: Columbia University Press, 1969.
13. Miliband, R. Politics and Poverty / R. Miliband, D. Wedderburn (ed.) // Poverty, Inequality and Class Structure. — Cambridge: Cambridge University Press, 1974.
14. Byrne, D. Social Exclusion / D. Byrne. — Buckingham: Open University Press, 1999.
15. Mingione, E. Urban Poverty and the Underclass: A Reader / E. Mingione. — Oxford: Blackwell, 1996.
16. Burchard, T. Understanding Social Exclusion / T. Burchard, J. Le Grand, D. Piachaud. — Oxford: Oxford University Press, 2002.

Статья поступила
в редакцию 08.08. 2011 г.

□□□□□□□□ □□□□□□□□ □□□□□□□□ □□□□□□□□. □□□□□□□□.
□□□□□□□□ □□□□□□□□□□□□ □□□□□□□□□□ □□□□□□□□. □□□□□□□□.